

РЕНАТУРАЛИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА КАК ЭФФЕКТ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

ВОЛЬСКИЙ Алексей Николаевич - научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН. НЕЧИПОРЕНКО Ольга Владимировна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник того же института. ЭНТРЕНА Франсиско - доктор философских наук, профессор кафедры социологии университета Гранады (Испания).

Анализируемые в статье эмпирические данные получены в результате серии экспедиций в сельские регионы Республики Алтай, предпринятых сотрудниками Института философии и права СО РАН в 1997-1998 гг. Более подробно с этими данными можно ознакомиться в работе "Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай" [1]. В экспедициях 1997 г. принимали участие преподаватели и студенты Горно-Алтайского педагогического университета. Работа проводилась в рамках исследовательской программы "Этносоциальное развитие народов Республики Алтай: динамика и прогноз", которая является составной частью мониторинговых исследований этносоциального развития народов Сибири, реализуемых Институтом с 1994 г. Всего за 1997-1998 гг. была обследована территория четырех районов Республики. В 1997 г. состоялись экспедиции в Усть-Коксинский и Улаганский районы, а в 1998 г. - в Кош-Агачский и Усть-Канский. Во всех случаях использовалась двухступенчатая выборка. Сначала отбирались населенные пункты в соответствии с территориальной стратификацией районов (фактически в каждом районе было обследовано около половины населенных пунктов). Затем в каждом населенном пункте респонденты отбирались случайным образом на основе похозяйственных книг (где они сохранились), либо маршрутным методом (во всех остальных случаях). Ошибка выборки представляет собой оценку максимальной стандартной погрешности при 95%-ной доверительной вероятности.

При использовании данных следует делать существенную поправку на субъективность оценок. Особенно это касается уровня доходов населения, который определялся по ответам на вопрос о совокупном доходе семьи за последние 30 дней. Такая методика дает весьма приблизительные результаты (что, однако, искупается ее простотой). Как показывают различные исследования, рассчитываемая таким образом цифра представляет собой минимальную оценку реальных доходов, которые могут превышать ее в 1,2-1,5 раза [2]. Поскольку абсолютное значение доходов за 1997 и 1998 гг. существенно различается, результаты опросов даются относительно величины среднедушевого прожиточного минимума (ПМ). Размер прожиточного минимума определяется согласно методике Всемирного Банка, которая представляется весьма "оптимистичной". Например, в 1997 г. величина ПМ, рассчитанная по этой методике, составила 300 деноминированных рублей на человека в месяц, тогда как официальная планка бедности для Республики Алтай на момент обследования находилась на уровне 390 рублей.

По уровню денежных доходов Республика Алтай относится к числу наиболее бедных регионов России. Согласно данным официальной статистики, на 1 июля 1996 г.

среднедушевой месячный доход в Республике равнялся 496 тыс. рублей, тогда как в среднем по РФ этот показатель составил 762 тыс. рублей [3]. Причем есть все основания полагать, что официальные данные о доходах населения Республики Алтай несколько завышены, так как в выборке Госкомстата преобладали жители республиканского центра, а население сельских районов было представлено недостаточно. По расчетам некоторых независимых экспертов, в 1995 г. интегральный индекс бедности для Республики Алтай имел наивысшее значение среди всех регионов России [4]. По нашим данным, около 90% (от 86% до 98%) населения республики находится за порогом бедности. При этом от одной трети до половины семей вообще не имеет никаких доходов.

Основную роль в структуре доходов обследованных домохозяйств играет не заработная плата работающих членов семьи, а различного рода социальные трансферты (в первую очередь пенсии). Обследование показало отрицательную корреляцию между числом работающих в семье и уровнем доходов. Например, в Усть-Коксинском районе только 33% семей, где не работал ни один человек, вовсе не имели доходов, тогда как в семьях, где работало трое и более членов семьи, доля полностью нищих составила 56%. И наоборот, доля семей со среднедушевыми доходами выше прожиточного минимума по мере роста числа работающих членов семьи падает с 9% до нуля. Другими словами, чем больше люди работают, тем меньше денег они имеют. Несомненно, этот парадоксальный факт может означать только то, что занятость в тех или иных формальных организациях больше не является основным источником средств к существованию. Напротив, основными источниками денежных средств сегодня являются пенсии и, в меньшей степени, другие государственные пособия, что находит отражение и в структуре занятости населения. Фактически от одной пятой до двух пятых трудоспособного населения в настоящее время не работают ни в какой формальной организации. В 1997 г. в Усть-Коксинском районе таких было 21%, в Улаганском - 26%, в 1998 г. в Усть-Канском районе - 24%, а в Кош-Агачском - целых 40%. Фактически здесь отсутствует такая характерная для урбанизированных районов Сибири группа населения, как работающие пенсионеры. Дополнительной чертой является тендерная структура занятости. Дело в том, что в обследованном ареале не произошло (как во многих других местах) вытеснения женщин с производства [3, с. 23]. Напротив, рост числа неработающих скорее обеспечивается за счет сокращения доли работающих мужчин. Наиболее отчетливо тенденция прослеживается в Улаганском районе, где работает только 40% мужчин и 65% женщин, и в Кош-Агачском районе, где работает 42% мужчин и 41% женщин.

Из приведенных данных как будто следует неопровержимый вывод о том, что социально-экономическая ситуация в обследованном ареале не просто неблагоприятная, а откровенно критическая. Полное отсутствие каких бы то ни было средств к существованию у значительной части населения должно означать голод и нищету. Однако фактическое положение дел иное. Несмотря на очевидный низкий уровень жизни никаких социальных катаклизмов здесь не наблюдается, а состояние общественного сознания принципиально не отличается от ситуации в урбанизированных районах страны, например, в Новосибирске. Более того, по целому ряду социальных параметров ситуация в обследованных сообществах оказывается лучше, чем в более зажиточных регионах. Например, обнаружено большое число детей в семьях. В 1997 г. зафиксированное число несовершеннолетних детей в расчете на 100 семей равнялось 120, а в обследовании 1998 г. - даже 130. Для сравнения можно использовать Новосибирскую область, где этот показатель во второй половине 90-х годов находился на уровне 70-80 детей на 100 домохозяйств. При этом особо интересно, что в обследованных районах Республики Алтай весьма высока доля детей в возрасте младше семи лет, т.е. родившихся после начала экономических реформ.

Другим симптоматичным показателем является раннее выделение молодых семей. Фактически, в обследованных районах республики подавляющее число пожилых родителей живет отдельно от своих детей. Этот факт в сельской местности имеет совсем

иной смысл, чем в городах. Если в последних одинокие пенсионеры представляют собой один из вариантов социальной эксклюзии, то в сельских сообществах, где дети проживают в большинстве случаев в непосредственной близости от своих пожилых родителей, высокий процент отдельно живущих людей старшего возраста означает определенный уровень зажиточности населения (есть ресурсы для выделения молодой семьи в отдельное домохозяйство, постройки жилья и т.д.).

В обследованных регионах не обнаружено заметной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин, тогда как в среднем по России женщины живут в среднем почти на 10 лет дольше мужчин. Это также не согласуется с выводом о социально-экономическом коллапсе. Подобные факты можно объяснить, лишь приняв во внимание, что уровень бедности населения операционализировался через денежные доходы населения. Однако общепринятый подход, применяемый в России при распределении государственных трансфертов между регионами, предполагает наличие товарной экономики. Там, где ее нет, он перестает отражать реальное положение дел. В самом деле, подавляющее большинство обследованных семей имеют "подсобное хозяйство". В Усть-Коксинском районе домашнее хозяйство есть у 90% семей, в Улаганском - у 76%, в Кош-Агачском - 87% и в Усть-Канском - у 93% сельчан. Исключение составляют лишь некоторые маргинальные группы населения (одинокие пожилые люди старше 70 лет, больные и др.), сосредоточенные в основном в райцентрах. Основу хозяйства в Усть-Коксинском и Улаганском районах составляет огородничество, высадка картофеля и содержание крупного рогатого скота. Более половины домохозяйств имеет лошадей, что свидетельствует об известной зажиточности (содержание лошади - весьма дорогостоящее в плане кормов и трудовых затрат занятие, а у некоторых респондентов в хозяйстве было до 15 лошадей).

В 1998 г. роль домашнего хозяйства была исследована более детально. Надо отметить, что в обследованных в этом году районах хозяйство носит принципиально различную структуру. Если в Кош-Агачском районе основу домашнего хозяйства составляет отгонное скотоводство (на одну семью здесь в среднем приходится по одной лошади, 2,5 голов крупного рогатого скота и около 20 голов мелкого, то в Усть-Канском районе акцент в хозяйстве смещен в сторону огородничества и стойлового скотоводства. Помимо сельскохозяйственного производства существенной частью домашнего крестьянского хозяйства в обследованном ареале является промысловая деятельность. Присваивающий сектор в домашнем хозяйстве характерен для 23% семей в Усть-Коксинском районе, 19% - в Улаганском, 27% - в Кош-Агачском и для 39% семей - в Усть-Канском.

Таким образом, в сегодняшних условиях именно "подсобное хозяйство" на самом деле является основным источником средств к существованию для подавляющего большинства сельских жителей, тогда как работа в той или иной формальной организации выполняет подсобную функцию. Этим отчасти может быть объяснена рассмотренная выше тендерная структура занятости. Тенденция к сравнительному уменьшению доли работающих мужчин связана с тем, что они все больше своего времени посвящают наиболее важному делу, а именно - работе в домашнем хозяйстве. Конечно, работа в формальных организациях по-прежнему играет определенную роль как источник денежных поступлений, а также как средство для доступа к некоторым коллективным ресурсам (право на покосные луга, эпизодическая возможность использования техники и т.п.). Однако все это имеет вспомогательное значение.

Домашнее хозяйство носит практически натуральный характер. Наши респонденты совершенно не похожи на фермеров, появления которых ожидают теоретики строительства капитализма "в отдельно взятой стране". Как показывают данные, подавляющая часть продуктов домашнего хозяйства присваивается в натуральной форме. Единственно значимой формой товарно-денежных отношений является реализация некоторой части продукта через частных скупщиков. Но и эта практика характерна лишь для 15%—20% семей.

Надо отметить, что этот слабо включенный в товарно-денежные отношения

социально-экономический субстрат появился, конечно, не на пустом месте. Еще в советскую эпоху, по данным Л. Тимофеева, основанным на анализе государственной статистики, "на приусадебных участках, по разным подсчетам занимающих лишь два с половиной или даже полтора процента всех посевных площадей страны, ...производилась треть всего сельскохозяйственного продукта" [5]. Аналогично в Сибири в 1985 г., как показывают авторы фундаментальной работы "Крестьянство и сельское хозяйство Сибири", подсобные хозяйства занимали всего 0,9% обрабатываемых площадей [6], производя при этом "мяса, молока, яиц, овощей примерно 30%, картофеля - 60%, плодов и ягод - 54%, шерсти - 26%" [6, с. 178]. В постперестроечную эпоху размеры обрабатываемых в крестьянских хозяйствах земель и роль домашнего хозяйства в семейном бюджете сельских жителей еще более возросли [7]. Однако в советский период товарность домашнего хозяйства была заметно выше (как за счет полупринудительной системы государственных закупок сельхозпродукции, так и в не меньшей степени за счет "черного рынка"). Таким образом, приведенный эмпирический материал показывает достаточно согласованную картину усиления натурального крестьянского хозяйства в аграрном секторе Республики Алтай. Сходные тенденции, по-видимому, можно обнаружить сегодня и в других регионах России [7, с. 67-72].

В связи с этим у некоторых исследователей появилось предположение об искусственном характере товарности, существовавшей в советский период. Можно думать, что реализованная в СССР экономическая система навязывала высокую степень товарности сельским сообществам, которые сами по себе имели в целом весьма архаичную социальную структуру. Другими словами, согласно данной концепции, если бы государство не обязывало крестьян сдавать определенное количество сельскохозяйственных продуктов и изыскивать средства для уплаты сельхозналога, у самих жителей не было бы действенных стимулов для поддержания высокой товарности своего хозяйства. И как только административный диктат ослаб, сельские сообщества вернулись к традиционным экономическим формам, так как для поддержания высокой степени товарности у них не было ни возможностей, ни, главным образом, внутренних стимулов. Подобную интерпретацию типологически сходных процессов в сельских регионах Средней Азии предлагает С. Поляков [8].

Концепция "искусственной товарности", несомненно, обладает известной объяснительной способностью. При ее принятии в качестве непосредственной "жертвы" проникновения капиталистических отношений в деревню выступает колхозно-совхозная система. Достаточно сказать, что с 1995 по 1997 гг. в обследованных нами районах поголовье крупного рогатого скота в колхозно-совхозной собственности сократилось на 70%, а поголовье овец составляет сегодня всего 5% от уровня начала 90-х годов. Если же принять во внимание действительно весьма архаичные способы деятельности в домашнем хозяйстве, то возрождение натуральной экономики выглядит вполне естественным результатом проникновения рыночных отношений в российское сельское хозяйство.

Однако эта концепция не позволяет объяснить всей совокупности наблюдаемых явлений. Прежде всего, столь быстрая ренатурализация сельского хозяйства в обширных регионах постсоветского пространства должна означать, что радикальная по своим масштабам и последствиям "социалистическая аграрная революция" прошла здесь бесследно. Но как это может быть? Кажется очевидным, что даже сейчас колхозно-совхозная система, несмотря на свою полную экономическую несостоятельность в новых условиях, продолжает оставаться важным системообразующим фактором на селе. Кроме того, ослабление государственного диктата в сельском хозяйстве началось отнюдь не в 90-х годах, а, по крайней мере, со времен реформ Маленкова (например, обязательные нормативы по сдаче государству молока и мяса официально были отменены еще в 1958 г.). Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что пик этого процесса приходится чуть ли не на вторую половину 70-х годов. И все это время ослабление административных принудительных институтов сопровождалось ростом товарности. И только сейчас эта тенденция изменилась (повернула вспять). И, нако-

нец, данная гипотеза находится в явном противоречии с фактами массового сознания. Если бы сельским жителям было присуще стремление жить в соответствии с традиционными "рецептами", а государственная товарность воспринималась как навязанная извне, то они должны сегодня быть весьма довольны тем, что их оставили в покое. Факты говорят о другом: подавляющее большинство респондентов именно нынешнее состояние воспринимают как вынужденное, противопоставляя его советской эпохе.

Важно также отметить, что типологически сходные процессы обнаруживаются сегодня в чрезвычайно различных по географическим и историко-культурным условиям регионах. Так, в постсоветской Средней Азии вновь возникла надельная система землепользования, имеющая такие архаичные черты, как натуральная форма арендной платы ("издольщина"), личная зависимость крестьян от владельцев земли и т.д. Архаизация экономических практик зафиксирована и в некоторых других регионах бывшего Советского Союза [7, с. 72]. С другой стороны, аналогичные феномены можно обнаружить не только в постсоветских экономиках. Даже в Европе сегодня обнаруживаются архаичные институты, вновь возникающие под воздействием все большего включения национальных экономик в глобализованное мировое сообщество [9]. В частности, как показывают полевые исследования одного из авторов настоящей статьи, вхождение Испании в "Общий рынок" привело к нарастанию партикуляристских тенденций во многих испанских сельских кооперативах (т.е. к отказу от ориентации на рынок и превращению их в более или менее закрытые самообеспечивающиеся коммуны) [10]. Отсюда следует, что тенденция к ренатурализации не может быть объяснена только спецификой российского сельского хозяйства (например, наличие колхозно-совхозной системы). Наблюдаемый поворот к натуральным формам хозяйствования представляет собой совершенно новый феномен, имеющий своим основанием не какие-то реликты прошлого, а напротив, современные формы экономической модернизации сельских сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нечипоренко О.В., Вольский А.Н.* Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай. Новосибирск, 2000.
2. *Вольский А.Н., Вавилина Н.Д.* Основные тенденции социального развития Сибири и социальная политика государства // Научные труды СибАГС. Новосибирск, 1999.
3. *Вольский А.Н., Вавилина Н.Д.* Социальная ситуация в сибирских регионах // Финансы в Сибири. 1997. № 11. С. 21.
4. Социально-экономическое положение семей РФ. М, 1996. С. 241-255.
5. *Тимофеев Л.М.* Черный рынок как политическая система. М, 1993. С. 17.
6. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. Новосибирск, 1991. С. 69.
7. *Мартынова И.Н.* Заметки о социальных изменениях в аграрном секторе России // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, 1996. С. 68.
8. *Poliakov S.* Everyday Islam: religion and tradition in rural Central Asia. N.Y., 1992.
9. *Entrena F.* Socioeconomic restructurings of the local settings in the Era of Globalization // Protosociology (Special issue "On a sociology of borderlines. Studies in the time of globalization"). Frankfurt, 2000.
10. *Entrena F.* Reactions of Spanish agrarian co-operatives to globalization // Journal of rural cooperation, 25th anniversary issue. Vol. 26. No. 1-2. International Research Center on Rural Cooperative Communities, Yad Tabenkin, Ramat Efal. Israel, 1999.